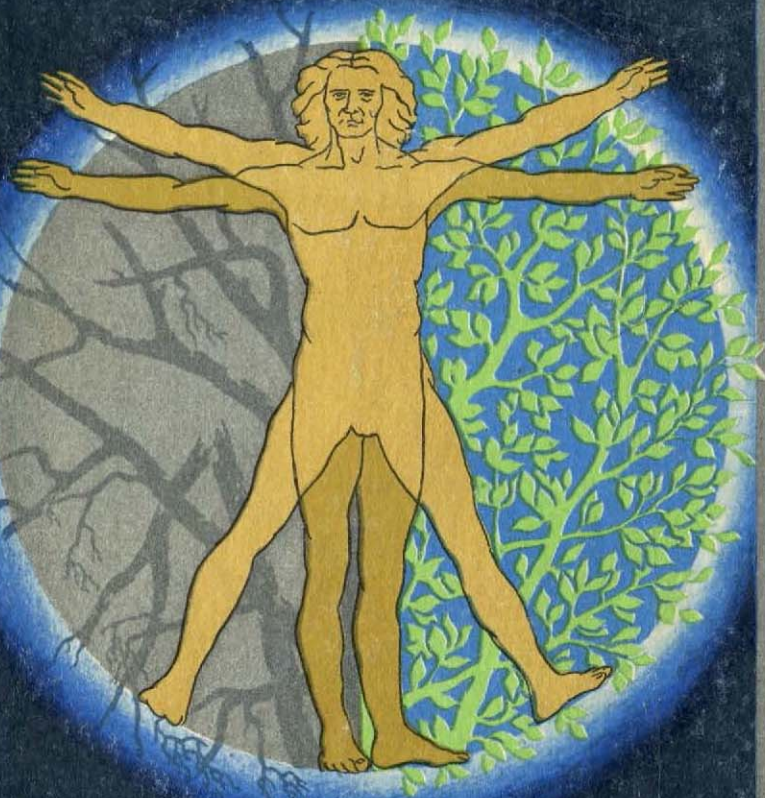
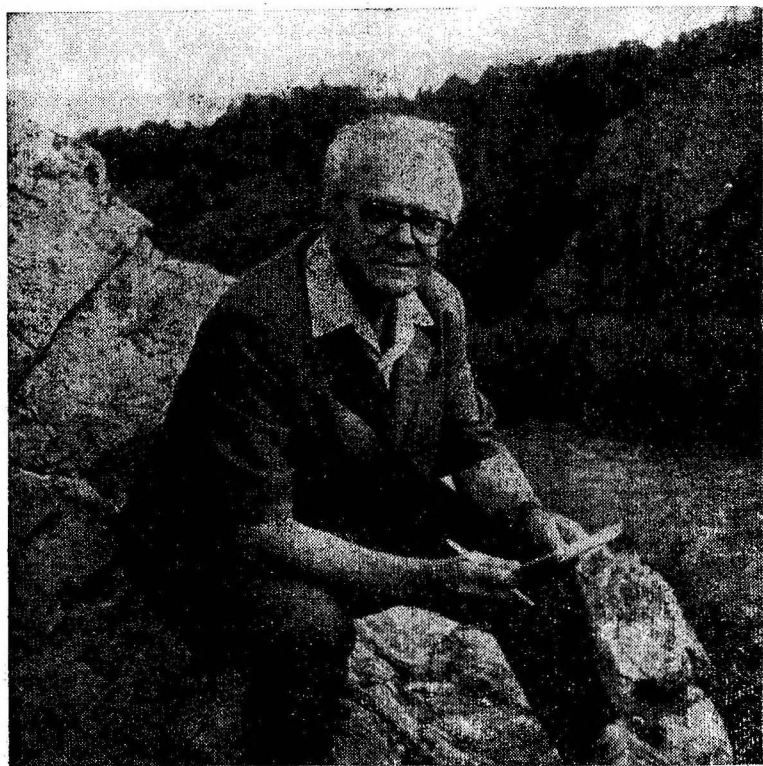

Борис Рябинин

**МЫ-
ЗЕМНЫЕ
ЛЮДИ**

БОРИС РЯБИНИН

P98

01

**МЫ —
ЗЕМНЫЕ
ЛЮДИ**

Очерки
Публицистика

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1978

P2
P98

1739940

1739940

Рябинин Б. С.
P98 Мы — земные люди. Художественные очерки.
Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1978.

296 с. портр.

Книга написана в результате многих поездок, встреч с разными людьми — защитниками природы и ее разрушителями. Изобличая зло, автор вместе с друзьями природы ищет пути сохранения природных богатств.

P 70302—060
M158(03) — 78

**Государственная
публичная библиотека
им. В.Г. Болшского
г. Свердловск**

P2

© Средне-Уральское книжное издательство, 1978

челюсть и скандал, и куркушка; да вот беда, столько конструкторов, все хочет познакомиться поближе великого изобретателя-изобретателя, а самой любит удивляться. Как же помочь слепому? — спрашивает «Неделя».

«Поможете?» — уверенно заявляет член-корреспондент ВАСХНИЛ, доктор сельскохозяйственных наук, профессор В. Г. Нестеров. Уже разработана проект системы биологического управления природой Леной Полони. Биологичка — еще одна наука об условиях жизни; это значит — с помощью точнейших измерений определить наилучшие условия для существования, управления микрообластью, куда идет вода, воздух, почва, микроорганизмы, животные, растения.

Так как же все-таки помочь слепому слепому?

«При помощи системы лесных конструкторов, — отвечает ученый. — Отдельным участкам леса надо давать отдых на 2—3 года. Придется тщательно перепланировать аллеи в тропинки. И здесь нам поможет вычислительная техника. В перспективе конечно будем автоматическое управление природой парка».

Значит, снова что-то понадобится слепому, — тоже, пожалуй, ей момент...

Представьте: конструкторы и условия у слепых?

Для помощи конструкторам на Думе устроены специальные бонды-слепочки, а в секторе «Культура», говорят, даже кондуктор очереди, вроде специального специального элемента, на право посещения слепых конструкторов. Сидеть, а он, тут, с тобой рядом, слышит, слышит не слышит в грубой чаше конструкторского существа.

ОСКОРБЛЕНИЕ МУЗЫКОЙ

Прежде чем сесть за эту статью, которую можно назвать размышлениями после концерта, автор решил заглянуть в словарь: как он определяет понятие музыки? Может быть, я чего-то не понимаю? Увы, и словарь не внес ясности в мою смятенную душу, наоборот, скорее запутал окончательно.

Всегда думалось: музыка — это нечто такое, что очищает, просветляет, наполняет тебя чудесными взволнованными чувствами, она может нас заставить плакать или смеяться, навевая грусть или радость, может рождать в воображении картины грозных кровавых сражений и сла-

доэстрастные сцены свидания влюбленных, исторгая порой слезы и заставляя страдать, но от этого тебе всегда приятнее жить... Разве не так? Но посмотрим, что говорит по этому поводу словарь, откроем его на букве «М»:

«МУЗЫКА (греч.). Искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически организованных звуков и тонов...» Значит, «ритмически организованных». Но организовать можно по-разному... Правда, дальше шло (но это уже слова Пушкина): «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает». Выходит, музыка все же нечто прекрасное! Однако еще несколькими строками ниже имелось и такое определение: «блатная музыка», «не та музыка» и, наконец, «музыка будущего». К какой категории нужно отнести то, что довелось слышать нам: «блатная», «музыка будущего» или, как говорится, типичное не то? А может быть, «технократическая», организуемая по принципу соединения железа с бетоном, так сказать, металлическая арматура, а внутрь заливается некая аморфная звуковая масса... Да, да, наверное, уже есть и такая, — понятие, которое еще не успел вместить всезнающий и всеобъемлющий толковый словарь.

Итак, одним приятным осенним теплым вечером мы с женой и старшим сыном отправились во Дворец молодежи на концерт Эдиты Пьехи и ансамбля «Дружба». Эдита Пьеха — кумир поклонников эстрады! Мы помнили ее по прошлым поездкам в наш город и заранее предвкушали радость новой встречи.

Публики — негде яблоку упасть. Стояли у стен (к слову говоря, никогда не видал прежде, чтоб филармония продавала столько билетов, все-таки, вероятно, нужна какая-то мера, — или выручка превыше всего?). Мы чувствовали себя счастливыми, баловнями судьбы, избранными, в своем пятнадцатом ряду.

Не буду пересказывать программу, помню, песня рассказывала о том, как умирал ямщик в степи... Но через несколько минут голова у меня гудела и раскалывалась, как будто я сидел не в этом прекрасном дворце, а под железным колоколом, по которому били тяжелые кувалды. Всякая лирика начисто испарилась. Вообще все мелодии сбились в одну. Шум, рев такой, что сотрясались стены. И ямщик, умирая, громыхал и орал так, что, право, должна была сбежаться милиция и не дать умереть. Впрочем, к чему милиция? Да от такого грохота мертвый подни-

мется из гроба! Все это совсем не весело. Дребезжат динамики, не выдерживая. А уши — барабанные перепонки, нервы?

Нет, никаких сцен лирических эта музыка не вызвала в моем воображении. Канонада боя — да; но кто бился с кем? Оркестр с публикой?.. Словарь не лгал: это действительно переживания, выраженные «в сочетаниях ритмически организованных звуков», но какие? И какая идея главенствовала тут?

Во втором отделении выступала та, из-за кого, собственно, мы и пошли на концерт, грохота не было, но любимую певицу я уже не слышал — ушел. Не вынес истязания. Все во мне кипело.

В тот вечер я испытал потрясение, другого слова не подберу. Мне наплевали в душу. Извините за столь крепкие выражения, но... Так испохабить музыку, говорил я, изуродовать то, что уступает по красоте лишь одной любви... кощунство! Да ведь добро бы в ансамбле были люди бесталанные, без голосов. Ведь поют певцы, есть дыхание, поставлен звук, — сами обкрадывают себя!!! Живого голоса не слышно — есть лишь металлический лязг и яростный, травмирующий душу и слуховой аппарат вой. Поп-музыка? Мне не доводилось ее слышать, но сравнение напрашивалось невольно. Да. Что-то от нее. После поп-музыки слушатели приходят в такое неистовство, что ломают и бьют мебель, стекла, тузят друг друга. И мне в тот вечер, уходя с концерта, тоже хотелось бить кого-то, в первую очередь тех, кто совершил недопустимое надругательство над прекрасным. Уехали. Повезли эту моду дальше.

Грустные мысли — они не оставляли меня с того памятного вечера. Вот думаем, спорим о красоте, а все к чему? Технократическое направление в искусстве, да, в искусстве! — берет свое. С некоторых пор неумеренное использование радиотехники на эстраде стало настоящим бедствием, грозящим травмами слуху, микрофон превратился во врага музыки и любителя-меломана. Техника задавила живой голос человека, а вместе с ним и живые человеческие чувства. Нужно решительно восстать против этого.

Играть на музыкальных инструментах, сопровождая пение или без оно, это вовсе не означает производить как можно больше шума. Поступать так — убивать музы-

ку. К сожалению, это начали забывать кой-кто из современных музыкантов. Веяние нашего гроыхающего века? Возможно. Но от этого не легче.

Ведь то, что произошло во Дворце молодежи, совсем не исключение, не ошибка какая-то, не случайность. Наоборот!

Помню, приезжали друзья-поляки. Повели их на концерт Омского молодежного джаз-оркестра. Омичи тоже гроыхали так, что слушатели чувствовали себя неуютно. Мне было стыдно, а Ежи Теодорчик — директор филармонического общества во Вроцлаве — молчал, и лишь страдальческая гримаса порой появлялась на лице. Я сей музгром отнес тогда на «провинциальность» Омска. Но вот вам Ленинград, уж его-то не назовешь музыкальной провинцией. Еще один ленинградский ансамбль гостил у нас прошлым летом. Когда после концерта я осторожно высказал свое мнение знакомому оркестранту, выпедшему, чтоб подышать свежим воздухом, и провожавшему нас домой, он решительно и вроде даже с недоумением возразил: «Аппаратура виновата. Обычно неплохо». «Неплохо»? А может, уже привыкли к форсированному звуку, в котором теряются все оттенки настроения? Вон и «Песняры» тоже. Правда, не так, но... Поветрие какое-то. Но, как всякая болезнь, поветрие опасное, вдвойне, втройне опасное, поскольку связано с искусством, с восприятием прекрасного, где формируются взгляды, вкусы. И тоже жалобы на аппаратуру: не совершенна-де. Не слишком ли часты эти ссылки и долго ли еще ждать, когда будет совершенна? Не будет ли к тому времени эстрадная музыка уже убита окончательно и бесповоротно? Ведь уже замечается падение интереса к эстраде, к «легкому жанру». Не оттого ли?

Наверное, не этим грохотом покоряют наши ансамбли, выезжая на гастроли за границу? Зачем же изменять себе?

В мире разворачивается борьба с шумом, вредным спутником современной цивилизации. Шум травмирует человеческую психику, губит природу. Замечено, что домашняя герань гибнет, если рядом в течение трех суток орет на полную мощность транзистор. И вот шум находит себе «законный» приют — где?! В концертном зале! Вредные децибелы — измерить бы их здесь, пригласить специалистов «по шуму». Уверен, что результаты были бы ошеломляющие, противопоказанные медиками.

Поражает: руководители ансамблей, композиторы — они не слышат, не видят?! Неужели им не жаль своих загубленных творений? А ведь — если будет позволено подобное сравнение — исполнять так, примерно то же, что бить по цветам деревянным вальком, которым прачки на реке колотят белье...

Пишет рабочий-уралмашевец: были с женой в Дворце культуры на концерте художественной самодеятельности и не хватило терпению — ушли, такой был грохот и рев, что у обоих разболелась голова, и теперь, как вспомнят, так становится страшно, и в мозгу снова поднимается одуряющая какофония звуков...

В Красноярске, помню, на речном вокзале ждали посадки на пароход; из открытых окон доносился грохот, нет, адский шабаш — эстрадный ансамбль увеселял публику в ресторане; не знаю, как публика, но рыбу в Енисее наверняка распугали.

В трансе публика молчала,
Глядя на артистов:
На эстраде выступало
Трио буянистов...

Прав поэт Р. Тобольский!

Право, можно поражаться, как иногда полезнейшие технические достижения превращаются неумеренным старанием в свою противоположность, в некое уродство. Теперь хоть глушитель приставляй к другу-микрофону, ну, в самом деле! Слушатели хвалят? Да, хлопают. Преподносят цветы. Но ведь и у поп-музыки находятся свои поклонники и приверженцы. Обидно, что мы — страна высокой музыкальной культуры — позволяем вытворять у себя такое.

А ведь это уже перенимают, этому подражают, точнее — уже переняли, самодеятельные коллективы тоже грохочут, хоть уши затыкай. И не только взрослые. Недавно мне пришлось выступать перед ребятами во Дворце пионеров в Верхней Пышме.

Говорить было невозможно: на другом этаже репетировал детский эстрадный оркестр, он заглушал все звуки во всех помещениях.

Вечерами я слышу вой саксофона и гулкие удары барабана, а также дикие взвизгивания, вопли вроде тех, вероятно, что издавали в прошлые времена нецивилизо-

ванные туземцы Африки, доносящиеся с высоты восьмого этажа стоящего напротив здания. В разгаре дикий шабаш, беснуются шаманы? Увы, это веселится студенческая молодежь: через дорогу — университет, там, на восьмом этаже, «радиорубка» и танцевальный зал... Слышно через закрытые окна. Что же творится в помещении!!! И там идет перековка вкусов кувалдами, уродуются эстетические требования, привычки.

А недавно на дружеской вечеринке — тоже: захотели потанцевать — включили стереомагнитофон. Да как! Койкого из гостей будто ветром выдуло на кухню, в коридор, но хозяева признавали только такую музыку, чтоб вибрировал не только воздух, но и твердые предметы — подпрыгивала посуда в шкафу, и ложки выколачивали мелкую дробь по блюдам. Глухие? Да нет, вроде бы с нормальным слухом, толкуют о Чайковском, Вагнере, Бахе, с удовольствием вспоминают джаз Утесова (не припомню, чтоб тот злоупотреблял фортиссимо). «Ах, Шульженко!» (а она ведь пела вообще без микрофона). А тут... Мода! А можно ли осуждать, если профессиональные музыканты подают пример? Вот такие, с позволения сказать, танцевально-музыкальные вечера не дают покоя всему дому, в котором сто квартир, ссорят жильцов, отравляя общее настроение. Вот такой «меломан» включит проигрыватель с разухабистой мелодией и даст такую громкость, что на всех этажах люди не найдут себе места, мало того — выставит на раскрытое окно, чтоб содрогались и корячились в судорогах в соседних домах... Попробуй останови его, — ты же и останешься в дураках. Отстал, скажет, пережиток ты, дядя, сейчас все так играют. Тут и милиция бессильна. Вред во всех измерениях.

Ревущие динамики начали появляться и в спектаклях некоторых весьма уважаемых театров с добрыми в прошлом традициями. Опасность налицо, она нарастает. В печати отмечалось, что авторы иных «омузыкаленных» спектаклей действуют «очертя голову», стремясь оглушить (буквально!) оригинальностью. Что же касается эстрады, там уже давно культивируются помесь воя пожарной сирены с оглушающим грохотом парового молота. Но если на заводе этот грохот вызывает восхищение человеческой мощью, то в стенах концертного зала, простите... Да и на производстве, к слову говоря, ныне тоже ведется настойчивая борьба с шумом!

Диагноз: отравление «музыкой» — констатирует Н. Самохин в «ЛГ». (Заметьте: слово «музыка» он берет в кавычки. А мы говорим: оскорбление музыкой.) Если мы вкусили эту прелесть, так сказать, выборочно и эпизодически, то коллеге Н. Самохину доведется ответить, что называется, оптом и до одурения.

Вот они компанией пришли в ресторан и начали заказывать официанту. «В этот момент ударила музыка. Свежие, только что заступившие на смену музыканты не жалели инструментов и легких. Особенно старался барабанщик. Он бил по своим тарелкам так, словно выколачивал прибавку к жалованью. Электроаппаратура множила этот грохот, усиливала его до канонадной мощи. Все было точно, как у Александра Межирова: «Жарь, гитара, жарь, гитара, жарко! Барабанных перепонок жалко, чтобы не полопались оне, открывают рот, как на войне при бомбежках или артобстреле, — не могу понять, по чьей вине музыканты эти озверели».

...А мы позорно бежали.

...В кафе с литературным названием «Вириния» мы наткнулись на засаду. Там сидел всего один бледный юноша и небрежно пощипывал струны гитары. «Это годится, — решили мы. — Одной-то гитарой нас не возьмешь!» И присели за столик. Но тут из недр кафе вышли еще три молодца, главный подключил аппаратуру, электрогитара бледного юноши завопила, и вопль ее был (снова цитирую А. Межирова) «воистину велик».

Возле лестницы, ведущей на второй этаж, сидел, очевидно, матрос, списанный с корабля, — такой крепкий детина в трехдневной щетине. Загородив узкий проход ногой, он хрипло буркнул:

— Варатэ.

— Чего? — не поняли мы.

— Варатэ, — повторил страж.

— Билеты покупать надо. — Оказывается, в ресторане работало варьете, и вход туда поэтому был платный.

Не стану ничего говорить о программе варьете — другая сегодня тема. Скажу только, что все номера ее — от лирических песенок до «обнаженных ритмов» — сопровождалась такой же оглушительной электромузыкой, как и повсюду. И любую фразу приходилось выкрикивать, надрывая голосовые связки. Короче, нам ничего больше не осталось, как спуститься в корабельный трюм, то бишь в винный бар. Увы, в баре пиратствовал «человек-оркестр» — музыкант-одиночка с аккордеоном, подпевающий магнитофону, подключенному опять же к усиленной аппаратуре.

— По-э просьбе наших гостей из Мэгэдана, с Лены, Енисея и других эт-даленных мест исполняется песенка «Эх, да на последнюю пятерочку», — объявил он.

Перед «Последней пятерочкой» бледнела ужасная «Мясоедовская», бросающая в дрожь работников культуры. Плясали под «пятерочку» отчаянно, с притопами и прихлопами. Плясали мальчишки в расклешенных джинсах и девочки в детсадовских мини — такие юные, что в кино их на поздние сеансы наверняка еще не пускают.

...Я беседовал с руководителем музыкального ансамбля в ресторане при гостинице «Новосибирск». Здесь решили играть потише.

— Скажите, а еще тише нельзя? — спросил я руководителя. — Как в старые добрые времена — совсем без аппаратуры?

— Нельзя, — вздохнул молодой человек и выстроил длинную изящную фразу: — Исполнительский уровень наших солистов без аппаратуры не позволит добиться настоящего звучания.

Вот в чем дело! Ансамбли «бременских музыкантов» образуются «диким путем». На одного профессионала в них приходится несколько самоучек — мальчишек из самодеятельности, едва научившихся перебирать струны. Без электричества они не потянут. Зато с электричеством у них кто микрофон взял — тот и Магомаев.

Есть у этой проблемы еще один аспект. Разговаривая с тем самым руководителем оркестра (мы стояли в коридорчике, ведущем в кухню), я обронил фразу: «Ну, у вас-то еще по-божески». Проходившая мимо официантка вдруг опалила меня ненавидящим взглядом.

— Вы кому дифирамбы поете?! — с гневом сказала она. — Ведь мы же от них глохнем! Глохнем, понимаете?!

Мне стало не по себе. Я зашел сюда на часок и то взбунтовался («Нельзя ли потише?»), а девушка эта подвергалась «отравлению музыкой» каждый вечер.

Есть и еще аспект. Теперь слово Александру Левикову (тоже «ЛГ»). «По вечерам у нас грохотал ансамбль... Уж не знаю, как его назвать... «канканообразный», что ли? Ревела буря, гром гремел! За столиками люди орали друг другу в уши и ни слова не могли разобрать. А юнцы дергались под эту какофонию с удовольствием. Нет, я не против современных ритмических танцев, но тут было что-то невообразимое...»

«Потом придумали с заместителем директора: добились, чтобы нам сменили ансамбль. Прислали тихий, камерный: скрипки, контрабас... Боже, как стало хорошо! Такая приятная музыка! Но типчики эти, завсегдатаи, подняли бунт...»

А теперь немного о заграничном «опыте», о типчиках подобного сорта и всевозможных поп-, бит- и рок-ансамблях и увлечениях ими, непомерно распространившихся на Западе. Это — как повальное бедствие, отравы, которой еще не нашли противоядия.

Музыкальные критики, а также психологи, изучающие общественные нравы, озабоченно пишут о концертах многих западных «звезд» и ажиотаже, которым они сопровождаются, называя это «коммерцией истерии», «искусством массового психоза». Говоря словами советского обозревателя К. Зиновьева, их мнение сводится к следующему:

«Доведение публики до состояния истерии — явление не новое в поп-музыке. Известно, что это — тонкая игра на эмоциях, не связанная с высоким искусством. Но даже зная это, все-таки трудно не удивляться тому, насколько не соответствует бурный восторг публики исполнительскому уровню музыкантов. Как правило, нарастающий гул в зале, вопли («Бэй, бэй, бэй, сити роллерз — лучше всех!») заглушают музыку, несмотря на мощное усиление. Слушатели, таким образом, превращаются в зрителей.

Это явление типично, но пока что не получило серьезного объяснения. «История» истерии в концертных залах восходит к 40-м годам. Именно истеричной была тогда реакция публики на выступления Фрэнка Синатры. Позднее, в начале 50-х годов,

подобная реакция сопутствовала концертам Джонни Рэя. В известной мере это явление подготовило почву для возникновения рок-н-рола. «Король» рока Элвис Пресли создал такую модель астрадного исполнения, которая легко приводила в состояние истерии юных слушательниц.

Подобно Э. Пресли, «Битлз» и «Роллинг стоунз» породили множество подражателей. Многие из них («Энималз», например) искренне хотят создать хорошую музыку, в то время как компании звукозаписи, с которыми они связаны, стремятся только к прибылям. Популярность «модных» ансамблей в наши дни все более поддерживается разжиганием страстей вокруг них.

А чем кончатся подобные концерты, дает представление заметка «Автоматы и джаз». Джонн Сартейн, представитель городских властей в Луисвилле, пригорода Далласа в американском штате Техас, постоянно держит под рукой в мэрии варяженный автомат. Это отнюдь не прихоть, а жестокая необходимость, говорит Сартейн, ибо достаточно вспомнить, что здесь творилось, когда в Луисвилле проходил фестиваль любителей современной джазовой музыки. По словам Сартейна, которые приводит агентство Юнайтед пресс интернейшнл, автомат — «отличное подспорье» и особенно в случае, если толпам слушателей, пришедшим в экстаз после очередного «концерта», взбредет в голову взять штурмом мэрию. Никогда не знаешь, чего можно ожидать от теряющих над собой контроль почитателей суперзвезд современного джаза». Но даю! — скажет современный подросток.

Конечно, это не относится к нам, но знать не мешает.

А последствия...

«В 1972 году Совет по делам образования графства Вест-Ридинг признал существование проблемы ухудшения слуха в связи с исполнением громкой «поп-музыки» в молодежных клубах. Большие, если не наибольшие потери слуха приходились на основные частоты разговорной речи, в то время как максимум потерь от производственного шума обычно приходится на частоту 4 килогерца.

Дополнительные исследования показали, что восстановление слуха не происходит и после двухмесячного перерыва в посещении вечеров «поп-музыки». Поэтому такое повреждение слухового аппарата представляется необратимым. Оно называется сенсорно-невральным (загравивающим внутреннее ухо) и не поддается излечению.» («Когда музыка опасна для здоровья». «Спектрум», перепечатка журнала «За рубежом»).

Желаете проверить, этот недуг не коснулся ли вас? Ежели вы поставили пластинку на проигрыватель и вам приходится кричать, чтоб собеседник услышал вас, — значит, вы перестарались, громкость превысила безопасный рубеж.

Итак, «сегодня удовольствие — завтра глухота» («ЛГ»). Журнал «Штерн» (Гамбурга) приводит таблицу распространенных шумов в децибелах (дб), напоминая, что усиление на 10 децибел означает удвоение громкости; вредная для зоровья граница громкости — 90 дб. Продолжительный звук силой 155 дб вызывает ожог, громкость 180 дб смертельна.

Шелест листьев 10 дб,
Автомобиль, едущий с нормальной скоростью 50 дб,

Обычный шум в учреждении	55 дб,
Оживленное уличное движение	70 дб,
Шум крупного водопада	90 дб,
Товарный поезд дальнего следования	98 дб,
Мотоцикл	104 дб,
Реактивный самолет на высоте 600 метров	105 дб,
Раскаты грома	112 дб,
Винтовой самолет на старте	120 дб,
Концерт рок-оркестра «Лид Цепелан»	123 дб,
Концерт рок-оркестра «Слейд»	127 дб,
Артиллерийский обстрел	130 дб.

Итак, оркестр, соперничающий со стреляющей пушкой...

История с концертом лишь отправной пункт для большого разговора о проблеме избыточного «звукового оформления» нашей жизни. Проблема эта гораздо страшнее, нежели кажется на первый взгляд, не случайно ей уделяют сейчас внимание буквально все органы печати, лечебные и санитарно-профилактические учреждения, конструкторские бюро. Но больше всего она, на наш взгляд, касается психологов.

«Есть люди, — пишет «Неделя», — которые не умеют слушать музыку леса, плеск волн, пение птиц. Природа для них нема. Они на природе глухи. В старину они выезжали в лес с патефоном. Сейчас они распугивают в лесу птиц транзистором или магнитофоном. Этим людям обязательно надо оглушать себя чем-то».

Соловей запел. Поблизости оказался парень с транзистором, включил громче, чтоб аппарат перекричал соловья...

Я только что вселился в гостиницу «Россия», комфортабельную, со всеми удобствами, лучшую московскую гостиницу. Номер двухместный. До меня там уже жил молодой человек с усиками и бородкой, по виду южанин. Уже у дверей меня встретил оглушительный крик динамика: включен телевизор. Ясный день. Сожитель мой занят разговором по телефону. Он даже не смотрит, не слушает, но техника работает, на экране телевизора что-то мелькает, крутится. Эпидемия какая-то, инфекция модной болезни — действительно, люди хотят непрерывно оглушать, одурманивать себя чем-то.

ДАЖЕ СОБАКАМ ВРЕДНО, сообщает западная пресса. В городе Киле (ФРГ) Общество покровителей живот-

ных обратилось через печать с таким призывом к владельцам животных: «Убедительно просим не вешать транзисторные приемники на шеи собакам. Современная музыка, передаваемая по радио, оказывает вредное влияние на нервную систему животных».

Замечено, что, несмотря на все меры, предпринимаемые государствами, крупные затраты, вкладываемые в борьбу с шумом, уровень его во многих крупных городах продолжает повышаться. По прогнозам ученых, он растет в среднем на один децибел в год. В печати уже появилось выражение **акустическое хулиганство**. Не есть ли хулиганство — концерт, где стены сотрясаются от грохота, а обслуживающему персоналу — контролерам, официанткам ресторана — грозит преждевременная инвалидность?

Журнал «За рубежом» публикует фотографию — наушники на слонах в «Виндор Сафари парк», что недалеко от Лондона; простите, не наушники, а, наоборот, глушители, защищающие громадных животных от «проклятия цивилизации» — шума. Как сообщает «ФИБ-Актуэльт», парк расположен близ аэропорта Хитроу, слонов привезли из Таиланда. Когда над ними впервые пронесся реактивный самолет, смертельно испуганные животные кинулись бежать, ломая заборы; с тех пор на слонах звукозащитные глушители, с ними великаны джунглей чувствуют себя спокойнее. Может быть, такие же глушители носить людям, живущим в особо шумных районах или окраинах вблизи аэродромов?

Американская фирма «Родекс Интернэшнл» нашла новый способ борьбы с крысами. Крысы — спутники и бедствие цивилизации, отравленные приманки их не берут, а размножаются эти отвратительные создания быстрее, чем косила людей чума в старое время. Оказалось, есть и на крыс управа, это — ультразвук. Прибор, генерирующий ультразвуковые колебания, вызывает у крыс паралич. А поп-музыка не производит такие колебания? Меня ничуть не удивит, если со временем выяснится что-либо подобное. Исследований на сей предмет пока не делалось. А жаль.

Еще один факт подобного типа. В Ливерпуле на аэродроме поставили гигантские громкоговорители и стали передавать мяуканье кота, чтоб распугать птиц, мешав-

ших полетам. Птиц напугали — те улетели, но одновременно несколько женщин-пассажирок, ожидавших самолет, получили нервное расстройство.

Шум, шум, шум... Он с нами везде. В автобусе междугородного сообщения. Шоферу скучно, хочется послушать «новости» или хоккейный матч, или просто скоротать время, — повернул ручку... Отправляемся в дальний рейс на ТУ-154. И там... Ну, зачем, зачем?! Ведь и так гул, рычат моторы. «Культурнее. Чтоб не скучали пассажиры». Бортпроводница даже обижена: люди не приемлют «сервиса», а мы старались!

Немного о шуме, вырабатываемом автотранспортом. Представляют определенный интерес данные, публикуемые журналом «Спектрум» (Лондон). «Шум, создаваемый автомобилями, — пишет журнал, — отличается от шума, создаваемого другими источниками, тем, что занимает очень широкий диапазон частот — от 16 килогерц до 1 герца (герц — единица частоты, период изменения которой равен одной секунде). Уровень шума в легковом автомобиле обычно колеблется от 65 децибелов на заднем сиденье лимузина с поднятым стеклом, отделяющим водителя от пассажиров, до 90 децибелов в небольших автомобилях при езде по шоссе с максимальной скоростью.

В большинстве автомобилей средней стоимости уровень шума относится к категории «заметного» и «назойливого», а на некоторых скоростях может достигать и «очень беспокоящего».

Уже давно известно, что звуковое воздействие может оказывать определенное влияние и на зрительную оценку опасности. Иногда возникают кратковременные периоды «затмений», когда человек не в состоянии быстро оценивать опасные ситуации. Поэтому для повышения безопасности движения по дорогам желательно снижать уровень шума в кабине водителя».

«Однако, — пишет в «Правде» заслуженный связист РСФСР И. Шамшин, — обследования показали, что не меньше жалоб от жильцов (речь о жильцах городских квартир. — Б. Р.) поступает на соседей, неумеренно пользующихся звуковой техникой. Если учесть, что сейчас у населения более двухсот миллионов звукоусилительных устройств, то можно сделать вывод: эта проблема очень важна, нуждается в разрешении... Громкоговорители буквально преследуют людей...

По правилам все жильцы обязаны соблюдать тишину после одиннадцати вечера. Обязаны, но не всегда это делают. Тем более в праздники, дни семейных юбилеев. Есть и просто малосознательные люди, которые с усмешкой выслушивают диктора телевидения: «Просим зрителей уменьшить звук ваших приемников». Что же, милицию вызывать?

Думается, что проблему борьбы с шумом можно решать лишь комплексно. С одной стороны, усилить звукоизоляцию при жилищном строительстве, а с другой — установить разумный предел мощности всех видов звукоусилительных устройств...» (Точно так же, как не нужны чрезмерные скорости у автомобиля индивидуального пользования, к такому выводу начинают приходиться одновременно в разных странах.) Бесспорно, «нужна и широкая разъяснительная работа с жильцами. Что не исключает, разумеется, административных санкций по отношению к бытовым хулиганам».

В. А. Сухомлинский писал сыну:

«Получил от тебя маленькое письмецо, отвечаю таким же маленьким. Ты просишь денег на транзисторный радиоприемник, сорок пять рублей.

Денег на нужную вещь никогда не жалко, но транзистор покупать я тебе просто запрещаю. Вот почему. Транзисторы становятся всенародным бедствием. Помнишь, я приезжал к тебе, мы были в сквере. Прекрасный парк, море зелени, но птиц нет. Их изгнали транзисторы. И днем, и ночью под каждым кустом раздаются воющие, стонущие, завывающие звуки. Каждый стремится перекричать других, блеснуть своим транзистором. Нет ни тишины, ни музыки природы (ты знаешь, что это такое? Это шепот листвы; в ясный солнечный день деревья поют одну мелодию, в ветреную погоду — другую, перед грозой тишина тоже поет...). Скоро и в селе леса будут завоеваны транзисторами.

Ты хорошо играешь на баяне — неужели тебе теперь не хочется в свободную минуту поиграть? Или учишься на скрипке играть — ведь у тебя прекрасный слух. Покупай скрипку, учишься. А о транзисторе забудь. Для городских жителей среднего и пожилого возраста эти маленькие ящички стали проклятием: нельзя окно открыть — сразу же врываются стонущие, хрипящие звуки. Отказаться от транзистора надо хотя бы во имя уважения к людям.

Представь себе, в воскресенье тысячи людей направляются на прогулку в лес, в парки. Что было бы, если бы у всех были транзисторы? Отдых превратился бы в ад. Не надо вносить лепту в это превращение».

Пусть не будет для вас удивительным, но в музыке прекрасно разбираются животные. (Если гибнет герань от шума, то можно ли отказывать в избирательном отношении к звуковым раздражителям высшим животным, у которых слух даже острее нашего.) То есть, конечно, не так, как мы, люди,— но, с другой стороны, что мы знаем о чувствах животных? Л. Юрчук, участник походов китобойной флотилии «Советская Россия», рассказывает:

«Флотилия, работавшая в Антарктиде, подошла к одному из многочисленных островов. Моряки с удивлением увидели: их встречают «одетые» по-парадному в черные фраки... пингвины. Птицы оказались на редкость ручными. Позволяли себя гладить, охотно брали из рук рыбу, а самые смелые направились на судно. Хозяева какот не знали, как угодить неожиданным друзьям. Кто-то, чтобы гости не скучали, поставил на диск проигрывателя пластинку. Случилось непредвиденное: один из пингвинов, как только зазвучала музыка, мигом оказался на радиоле. Придвинулся вплотную к крутящемуся диску, вслушивался, а потом стал покачивать головой в такт мелодии. Вот какой меломан оказался!

Мелодия кончилась. Птица подняла голову и вопросительно посмотрела на людей: давайте, мол, другую. Удивленные китобои поставили новую пластинку, более ритмичную. Пингвину она, видимо, понравилась еще больше. Он оживился и энергично задвигал головой. На следующий день эта птица опять пришла на борт. Так продолжалось несколько дней, пока не настало время расставания».

На Черном море был случай. Шел пароход. Пока из динамиков, установленных на палубе, лилась мелодичная завораживающая музыка из балета «Спящая красавица» Чайковского, за кормой все время виднелись плавники — дельфины плыли за пароходом. Но вот загредел джаз с дикими взвизгиваниями, завываниями, громом, лязгом, и дельфины немедленно исчезли...

Конечно, там, где шум, крик, беспокойство, орет транзистор, птицы не строят гнезда, не высидывают птенцов.

Пока мы шумим, грохочем,
Природа неслышно уходит... (В. Шефнер)

Музыка «для глухих» заглушила голоса жизни, она заглушает в нас чувство добра, вежливости, уступчивости, предупредительности, взаимного уважения, вместо этого появляются раздражительность, даже враждебность к другим. И так покою нет; орет соседний динамик, а тут еще слаяла собака, — долой хоть ее, хватает за шиворот и выбрасывает в окно, с пятого этажа, не обращая внимания на рыдающую хозяйку, пожилую одинокую женщину, для которой эта собачка была последний свет в окошке, единственный выход для чувств.

А вы замечали: иногда в поезде или трамвае ввалится в вагон компания молодежи, гвалт, тогот, бренчит гитара, каждый старается перекричать друг друга. Увещевать — бесполезно, они как глухие, не слышат, как будто вас не существует. Может быть, в дополнение к общей невоспитанности, дурным привычкам, это еще и результат увлечения громкой музыкой, резкими шумами?

«ШУМИМ, БРАТЦЫ, ШУМИМ... О загрязнении шумами окружающей среды — будь то улица или квартира, цех или учреждение — стали говорить в последнюю очередь. Однако избыточный шум наносит существенный вред и здоровью, и психике людей. Более того, шумовые загрязнения способны повлиять даже на сложные формы поведения человека, например на его готовность помочь в беде.

Психологи проделали такой опыт: в комнате, в присутствии нескольких человек, не посвященных в суть дела, экспериментатор как бы случайно ронял стопку книг. Когда шум в комнате был умеренным, ему на помощь пришло 72% присутствующих; при сильном шуме число охотников помочь резко снизилось — до 37%. На улице при обычном шуме помощь вызвались оказать 20% прохожих, а при повышенном шуме — только 10%. Даже если у экспериментатора была забинтована рука, на шумной улице ему помогли лишь 15% прохожих, хотя на улице, менее загрязненной шумом, число помощников достигало 80%».

Журнал «Химия и жизнь» заговорил о шуме, хотя, казалось бы, какое отношение имеет химия к проблеме избыточных звуков? «Как показывают психологические эксперименты, если поместить человека в условия полной

изоляции и при этом свести до минимума зрительные и слуховые раздражения, он становится более чувствительным к свету и звукам. У него обостряется осязание и возрастает способность к решению различных задач. Меняется и его дальнейшее поведение, причем меняется в лучшую, желательную для него сторону. Таким способом можно даже бросить курить, правда, только в том случае, если действительно этого хочешь».

И наоборот. «Доктор Джером Зингер из США установил, что под воздействием шума человек часто ведет себя вызывающе и менее склонен оказывать посторонним людям помощь. Зингер разделяет изменения в поведении человека на две категории — прямые и косвенные. Изменения косвенного характера могут быть более серьезными, хотя в обычных условиях они незаметны. К таким изменениям относятся понижение способности к чтению дома после работы в шумной обстановке, понижение способности к запоминанию на работе или в учебном заведении, ухудшение самочувствия, агрессивное поведение».

Звук, как острый и чрезвычайно вредный раздражитель, известен давно. Выдающийся психиатр В. М. Бехтерев еще в 1911—1915 годах наблюдал, как ненормально громкая музыка вызывала у иных людей припадки, похожие на эпилептические — с судорогами и потерей сознания. В Китае исстари был известен изуверский способ казни: на осужденного долго воздействовали очень сильным шумом или монотонным барабанным боем. Об этом напомнила нам кандидат биологических наук Г. Кривицкая (см. «Благодатная тишина»). Как показали исследования Института мозга Академии медицинских наук СССР, под воздействием звука силой в 85—130 децибел у подопытных животных изменяются ритм сердца и частота дыхания, повышается артериальное давление, в крови падает число эритроцитов, резко увеличивается содержание холестерина и сахара. Животные становятся агрессивными, беспокойными, у них затухает половой инстинкт, уменьшается вес. Ученые Московского университета установили, что у лабораторных крыс (еще раз о крысах!) возникала эпилепсия и происходили мозговые кровоизлияния. Что у зверей, то и у людей. У людей наблюдается ослабление памяти, они испытывают чувство подавленности, апатию, замедленность движений, развиваются невроты.

Шум укорачивает жизнь на 10 лет — таков вывод американских исследователей. И что после того человеку до природы, когда «цивилизация» не гарантирует его собственное существование!

Подобные исследования провели студенты Свердловского медицинского института. Тут же, на концерте, они зафиксировали понижение слуха у присутствующих, о чем не без негодования писали в своих выводах (это, кстати, опровергает распространенное мнение, что вся современная молодежь «помешана» на громкой музыке).

Благостная, целебная, успокаивающая волшебная тишина — как она нужна нынешнему поколению, мы изголодались по ней!

...Вернемся к музыке, с которой начали разговор.

Обидно, что в перечне всяческих вредоносных слагающих, образующих одно большое грозное явление, которое носит короткое имя — ШУМ, значится ныне и музыка.

Как быть с нею, с этой ветреной красавицей, которая ведет себя в точности как некоторые ультрасовременные модницы: наведет брови, наклеит искусственные ресницы, вся облепится мазями и красками, обольется духами — тоже все чрезмерно «громко», нарочито — и воображает: краше, обольстительнее ее на свете нет, а человек глядит и думает: ох, ох, воротит назад!

Инфляция музыки? Если так дело пойдет и дальше — да. Уценяется не только музыка, но, как справедливо указывают критики этого, прости господи, «жанра», и полнота человеческих эмоций, а отсюда уже один шаг до огрубения чувств... роковая цепочка!

Борьба с шумом еще вся впереди. Человечество еще только ищет способы вывести себя из того звукового тупика, в котором оказалось, недооценив в свое время этого противника, которого кой-где, подобно бензиновому мотору, уже нарекли «врагом номер один» («конкуренция» автомобилю!).

Вон в Алма-Ате наложен запрет на въезд мотоциклам в центральные районы города. Это сократит также и количество выхлопных газов, от которых страдает столица Казахстана. Для всех видов транспорта введены обязательные «талоны чистоты». А что, если бы такой же «талон (или, может быть, эталон) чистоты» — ансамблям, исполнителям эстрадных программ? ...а? Ой, не плохо бы. Искусство от этого только выиграло бы. И люди.

Скажем, автомобиль, самолет, завод — там проблема снижения шума требует инженерных решений, материальных затрат. А музыка? Она же целиком в наших руках. Только захотеть.

Кто же наконец займется этим, остановит стихию грохочущего буйства? Ведь о беспорядках в музыкальном хозяйстве свидетельствуют и многочисленные письма наших трудящихся, они бьют тревогу. Где же вы — музыковеды, музыкальные педагоги и наставники, наконец, разные художественные комиссии, одобряющие и выдающие путевку в жизнь тому или иному ансамблю, оркестру? Или вы умываете руки? Незавидная позиция.

Вас оскорбляет нецензурная брань и грубость на улице, в трамвае? Вот так же оскорбляет и ранит душу подобная музыка.

Не знаю, как кто, а я не хочу, чтоб деформировались вкусы и эстетические запросы сыновей — моего, нашего, вашего.

А как измерить урон, который несет прекраснейшая из муз, и с нею — все, что мы зовем прекрасным словом — Жизнь?

ВЫ ХОТИТЕ ИЗМЕРИТЬ ДОСРОЧНО?

Мой отец умер от рака. Рак легкого. Моя мама ее много курит. Даже сейчас, когда все добрые люди смеют, ее курит. Но ее курит даже она с перерывами. Чашка-полтора смолы, прожарится, опустит ноги с кровати, выкурит пачку, снова — чашка-полтора. Но ее этого мама отговаривала его в отдельную угловую комнату, где он и жил (она) последние годы жизни.

Недавно, на одном из вечерних концертов, собралась вся наша родня, галактика, много ее курит. На старом, но мелодичном, на классическом, вальсовом Польша, на шум дискотечной музыки Польша, теперь уже дискотечная. Традиция, видно, все-таки есть; есть родные обычаи, и они передаются по наследству. Последний отец мой, он один курит, прожит эту дурную привычку с фронта первой мировой войны. Он в прошлом вообще не — умер на 66-м году.

Недавно собралась академия Станислава Станиславича Шварца, с которым мы вместе собирались написать книгу. Тоже от рака легкого. Курит до последнего дня отчаянно много, даже после операции. Когда работали с ним он

СОДЕРЖАНИЕ

Наш дом — земля	2
О чем шумит русский лес	3
Милые зеленые горы — сохраним вас! (Как это начиналось)	4
Там, где слушают тишину	5
Мурло хищника	7
В чьих руках ружье	8
Праздник со слезами	9
Почему я не хожу в зоопарк	10
Внимание: звери!..	10
Глухота	11
Круглый стол: обсуждаем «глухоту»	2
Три письма моим неизвестным друзьям	3
Когда человек — друг (только факты)	4
Соловей на сковородке	5
Оскорбление музыкой	5
Вы хотите умереть досрочно?	7
О черном ломте	8
Мичуринские ветви	9
Что ты оставишь городу	1
Может ли завод дружить с природой?	2
Мы — земные люди	3
Легенда и быль о докторе Громе	3
Береги природу, солдат!	9

ИБ № 458

Борис Степанович Рябинин

МЫ — ЗЕМНЫЕ ЛЮДИ

Редактор Марченко С. В.

Художник Сысков В. Д.

Художественный редактор Филаненко Ю. Н.

Технический редактор Проскурникова К. Г.

Корректоры Богородская А. Г., Казанцева М. А.

Сдано в набор 31/1 1978 г. Подписано в печать 22/VI 1978 г. НС 1212
Бумага тип. № 2. Формат 84×108^{1/32}. Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 15.
Тираж 15.000. Заказ 94. Цена 1 р. 20 к. Средне-Уральское книжное
издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Ураль-
ский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1978